

References

1. Vert N. *Istoriya sovetskogo gosudarstva. 1900–1991* [History of the Soviet state. 1900–1991], Moscow, Progress Publ., 1992, pp. 9–19.
2. Vitte S. Yu. Nekotorye soobrazheniya o prichinakh defitsitnosti russkoy zheleznodorozhnoy seti [Some considerations on the Origins of Deficiencies of the Russian railways network]. *Mir transporta* [World of Transport], 2003, no. 2, pp. 144–151.
3. Gorbunov A. A. *Transportnye kommunikatsii i modernizatsiya Rossii* [Transport communications and modernization of Russia], Moscow, Infra-M Publ., 2005, pp. 55–98.
4. Kraskovskiy Ye. Ya., Uzdin M. M. (ed.) *Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii. T. I 1836–1917* [History of Russian railway transport. Vol. 1. 1836–1917], Saint-Petersburg, Ivan Fedorov Publ., 1994. 336 p.
5. *Proekt Moskovskoy okruzhnoy zheleznoy dorogi po pravitelstvennym izyskaniyam 1898–1899 gg.* [Project Moscow Circular Railway on government surveys 1898–1899], Moscow, 1898.
6. Yakunin V. I. *Politologiya transporta. Politicheskoe izmerenie transportnogo razvitiya* [Politics of transport. Political dimension of transport development], Moscow, Ekonomika Publ., 2006. 432 p.

ЛИКВИДАЦИЯ КУЛЬТОВЫХ ЗДАНИЙ В ТАТАРСКОЙ АССР В 1930-Х ГОДАХ

Хайрутдинов Рамиль Равилович, кандидат исторических наук, доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт международных отношений, истории и востоковедения
420008, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18
E-mail: ramilh64@mail.ru

В статье рассматривается процесс ликвидации культовых зданий в ТАССР в 1930-х гг. Именно в этот период был нанесен непоправимый ущерб историко-культурному наследию страны. В результате антирелигиозной политики были утрачены многочисленные уникальные архитектурные памятники, являвшиеся важной частью национального достояния. Особое внимание уделяется деятельности Музейного отдела республики, который в сложных условиях идеологического диктата стремился сохранить объекты культурного наследия.

Ключевые слова: мечеть, церковь, Музейный отдел, ТАССР, антирелигиозная борьба, Союз воинствующих безбожников, культовая архитектура, историко-культурное наследие, антирелигиозная политика

LIQUIDATION OF CULT BUILDINGS IN THE TATAR AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC IN 1930

Khayrutdinov Ramil R., Ph.D. (History), Associate Professor

Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of International Relations, History and Orientalism
18 Kremlevskaya st., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008, Russian Federation
E-mail: ramilh64@mail.ru

The process of elimination of religious buildings in TASSR in 1930 is regarded in this article. During this period was irreparably damaged historical and cultural heritage of the country. As a result, anti-religious policies numerous unique architectural monuments which is an important part of the national heritage were lost. Particular attention is paid to the activities of the Museum department of the Republic, which in difficult conditions ideological dictatorship sought to preserve cultural heritage.

Keywords: mosque, church, museum department, TASSR, anti-religious struggle, League of Militant Atheists, religious architecture, historical and cultural heritage, anti-religious policy

Вторая половина 1920 – начало 30-х гг. стало временем активной антирелигиозной борьбы, сопровождавшейся не только ликвидацией религиозных общин, но массовым сносом культовых зданий. В этот период особый размах приобретает масштабная кампания по разрыву договорных отношений с религиозными общинами и повсеместному закрытию храмов [10].

Негативной по отношению к памятникам культового зодчества стала деятельность Союза воинствующих безбожников Татарской республики, организационно оформившегося в феврале 1927 г. [33, 37]. 25 ноября 1929 г. Центральный Совет СВБ в письме в адрес местных организаций призвал провести в районах сплошной коллективизации массовую кампанию по закрытию молитвенных зданий для использования их на хозяйственные нужды [7].

На Втором съезде безбожников Татарии, прошедшем 5–10 февраля 1930 г. в качестве достижений в антирелигиозной работе особо отмечались «успехи» в массовой передаче культовых зданий под культурные учреждения, фактически в закрытии храмов. В частности, приводились примеры по 7 кантонам и 6 районам, где из 556 церквей было закрыто 279, а из 1728 мечетей – 1131. Кроме того, около 10 000 пудов колокольной меди было передано в тракторный фонд [29].

Закрытие церквей и мечетей шло быстро. На первое октября 1929 г. было закрыто 30 % молитвенных домов, а на первое марта 1930 г. – более 72 %. В этот же период от снятия колоколов было собрано 48,493 пуда меди. В Чистопольском кантоне было закрыто из 81 церквей – 76, а из 170 мечетей – 157. Политика наскоков приводила к серьезным осложнениям. Например, в Алексеевской волости, где закрытие церквей становилось поводом к развалу колхозов, срывалась подготовка к весеннему севу [31]. Областной СВБ был вынужден констатировать, что «этими перегибами воспользовался классовый враг, который под лозунгами защиты религии стал организовывать массы против всех мероприятий и в частности против колхозов. В момент антиколхозного движения создалось также массовое движение за открытие молитвенных домов...» [31].

В резолюции II -го Съезда СВБ отмечалось, что движение за отказ от молитвенных домов и передачу их под культурные учреждения превратилось в массовое движение. Указав на необходимость закрепления достигнутых успехов, Съезд обратился к правительству республики с просьбой выделить специальные средства для приспособления и переоборудования храмов. Вместе с этим, Съезд осудил «административное командование в вопросе закрытия молитвенных домов, которое на деле ведет к ослаблению наших позиций и дает лишние шансы нашему противнику...», и потребовал привлечения к ответственности, лиц допустивших искажения в работе [30]. Таким образом, в закамуфлированной форме было признано обострение ситуации на селе, отражающие тенденции в масштабах всего государства.

Усиление антирелигиозной политики в стране привело во всех регионах к волне недовольств, носивших характер массовых выступлений среди верующих и неверующих. Прямым следствием притеснений и преследований духовенства стал протест священнослужителей, сопровождавшийся сложением сана. Среди верующих стали нарастать настроения в поддержку и защиту религии и церкви. Последовала череда жалоб и заявлений с просьбами об открытии храмов.

Татарский наркомат юстиции под грифом «совершенно секретно» в начале 1930 г. довел до сведения кантонных уполномоченных ГПУ, что «закрытие церквей, мечетей, также снятие колоколов во многих местах приняло характер уродливый и чреватый большими политическими осложнениями. В некоторых местах имеются серьезные конфликты с крестьянством» [11].

В ответ на волнения со стороны верующих 14 марта 1930 г. ЦК ВКП(б) принимает постановление «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении», в котором содержалось требование «прекратить практику закрытия церквей

в административном порядке». ВЦИК направляет на места секретный циркуляр с осуждением административных перегибов и требованием восстановить законность.

В своем закрытом письме «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении в Татарской республике» секретарь обкома М.О.Разумов отметил также многочисленные случаи перегибов в антирелигиозной работе. Он признал, что закрытие церквей и мечетей воспринималось на местах как самоцель, принимая форму прямых издевательств над религиозными чувствами верующих.

Так, например, в Арском кантоне местные власти по дворам отбирали все Кораны. На страницах республиканской прессы, газет «Кзыл Татарстан» и «Новая Деревня» под предлогом борьбы с религиозными предрассудками появлялись агрессивные публикации, унижающие человеческое достоинство и конфессиональные убеждения. В частности, речь шла о статье «Как свинья победила Коран», в которой как положительный факт отмечалось решение местных властей одного из кантонов разрешить размещение свинофермы в здании бывшей мечети. Разумов констатировал, что «директивы Областного комитета от 5-го января, 19-го января и 20 февраля, также как и указания, данные Обкомом на Всетатарском съезде безбожников о полном прекращении дальнейшего закрытия церквей и мечетей и о методах антирелигиозной борьбы, не были проведены в жизнь» [39]. На некоторое время накал кампании по закрытию культовых зданий в крестьянской среде был ослаблен.

Рубеж 1920–1930-х гг., с провозглашением курса на индустриализацию страны ознаменовался активным строительством промышленных гигантов. Из 22 новых крупных предприятий и более 60 средних фабрик и заводов, построенных в республике в эти годы, абсолютное большинство было возведено в Казани. Многие из них имели всесоюзное значение: первый и единственный в СССР кетгутный завод, крупнейшие в стране меховой комбинат и валяльно-обувная фабрика и т.д. [8].

Утилитарная потребность в строительных материалах – кирпиче и щебне – для нужд производственного и жилищного строительства явилась формальным поводом для начала новой организованной кампании по разрушению храмов. Основными инициаторами сноса культовых зданий в Казани были Татарский отдел ОГПУ и городские власти. Вместе с тем, очевидно, что движущими силами данного процесса в общероссийском масштабе являлись мотивы идеологического характера [34].

Ранее, в октябре 1928 г. Президиум Казанского городского совета предложил Горкоммунхозу в недельный срок наметить количество пустующих и подлежащих разборке церквей, находящихся на территории города и слобод, а также обратился в ТатЦИК с просьбой передать в ведение Горкомхоза и утвердить намеченные к разборке церкви [15, 24]. В этот предварительный список вошли Александро-Невская церковь при клинике, Николо-Гостинодворская, Сергеевская при доме инвалидов на Черном озере, Никольская в Пороховой слободе, Крестовоздвиженская при бывшей первой гимназии, Спасо-Преображенская церковь и Кафедральный собор в Казанском Кремле.

5 апреля 1929 г. начальник ТООГПУ Д.Я.Кандыбин, руководители отделов Солоницын и Шарф направили секретное отношение ответственному секретарю ОК ВКП (б) М.О.Разумову, в партийные ячейки ТатЦИКа, СНК и горсовета с предложением о сносе семи ранее закрытых церквей:

«Имея в виду наступающий строительный сезон, а в связи с ним недостаток строительного материала, как-то: кирпича, балок, железа и т.п. Мы считаем возможным для этой цели разобрать несколько церковных зданий, как-то: Спасо-Преображенский монастырь (Кремль), закрытый постановлением ЦИК ТР, протокол № 30 от 11/ХІІ – 24 года, Зилантовский монастырь, закрытый в 1928 г., церковь Николая сзади Гостиного двора и церковь Крестовоздвиженскую на улице К. Маркса, рядом со зданием факультета Совправа. К разбору указанных церквей можно приступить сейчас же, т.к. никаких особых разговоров и толков среди широких масс не вызовет. [...]

Кроме того, нами приняты меры к подготовке других закрытых церквей, а также и закрытию ныне функционирующих: Воскресенской, по улице Чернышевского, против пожарной части; Георгиевской – по Георгиевской улице; Варлаамия – на Варлаамовской площади; Вознесения – по улице Островского, против дома Таткультуры, и церквей Казанского и Федоровского монастырей, проработка которых будет закончена к апрелю мес. с/г.» [14].

Символично, что уже через несколько дней, 8 апреля 1929 г. увидело свет постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», в соответствии с которым существенно упростилась процедура ликвидации религиозных общин и закрытия культовых зданий.

В вышедших позднее нормативных актах, в том числе Инструкции постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК от 16 января 1931 г. «О порядке проведения в жизнь законодательства о культах» причины расторжения договоров с религиозным объединением и ликвидации молитвенных зданий были уточнены. Акцент был сделан на несоблюдении общинами верующих условий договора, неисполнении распоряжений исполнительных комитетов, в том числе и по производству ремонтных работ.

Договор мог быть расторгнут и в случае добровольного письменного отказа общины от использования молитвенного здания и культового имущества, а также отзыва верующими своих подписей на документах, если «число подписей остается менее двадцати». Особо оговаривалась возможность ликвидации храма в случае признания здания ветхим (по заключению специальной технической комиссии) или необходимости передачи храма для государственных или общественных «надобностей» по ходатайству преобладающего большинства местного населения [16]. Отметим, что по решению Президиума ВЦИК от 17 сентября 1928 г. к перестройке или слому следовало приступать «немедленно после окончательного разрешения вопроса о закрытии церквей и производить их [...] в кратчайший срок [4].

Представители НКП хотя и принимали участие в решении судьбы церковных памятников, но не имели возможности наложить «вето» на снос или права на его отсрочку. Эти вопросы были отданы на усмотрение местных властей. В подобных условиях усилия учреждений охраны памятников оказывались малоэффективными перед нигилистическим отношением партийных, советских и хозяйственных органов к объектам культового зодчества.

17 июля 1929 г. Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы от лица Академцентра под грифом «секретно» направил в ТатЦИК письмо. В этом письме обращалось внимание на сложившуюся ситуацию, связанную с уничтожением культовых памятников. Председатель Академцентра С.С.Атнагулов, председатель Музейного отдела В.В.Егерев и ученый секретарь П.Е. Корнилов констатировали что «сломка церквей – памятников в ТССР приняла случайный характер и производится вне всякого плана и расчета. Отдел узнает о разборке в последнюю очередь, поэтому совершенно лишен возможности рассмотрения деталей вопроса» [16].

В качестве неотложных мер по изменению положения дел авторы письма предлагали конкретизировать порядок и механизм принимаемых решений. По их мнению, снос тех или иных религиозных памятников в ТССР должен санкционироваться ТатЦИКом, после оформления заключения Музейного отдела ТНКП, на подготовку которого запрашивалось от 1 до 1,5 месяцев, учитывая необходимость ведения переписки с ГАИМК и Главнаукой РСФСР, научную фиксацию объекта.

В августе того же года Музейный отдел был вынужден вновь обратиться в ЦИК республики с требованием прекратить практику игнорирования его функций по сохранению объектов наследия. Городские и республиканские учреждения, органы управления по-прежнему принимали решения без уведомления местного органа охраны памятников.

Кожевенный завод «Динамо» заключил договор с Кооптранспортом на разборку Николо-Гостинодворской церкви. Этот памятник XVII в. после ликвидации общины

с 1924 г. находился в ведении Музейного отдела и был переведен им в эксплуатационный фонд Центрального музея ТССР. Музей по согласованию с Отделом с 1926 г. сдавал здание в аренду под склад Волжско-Камского округа связи. Получаемая сумма (около 3 тыс. рублей в год) полностью шла на ремонт помещений Музея и на расширение выставочной площади [19]. По окончании срока аренды здание бывшей церкви планировалось передать Татархиву.

При рассмотрении проекта перестройки храма Отдел был вынужден дать свое согласие на разборку более поздней колокольни и снятие креста, но категорически выступал за сохранение основного шатра, бывшей башни – «единственной по своей архитектурной форме». Однако без какого-либо уведомления Отдела были сняты две главки храма и ожидался разбор самого памятника [17].

В письме были отмечены и другие факты отстранения специалистов Отдела от согласования принимаемых решений и проведения научной экспертизы, в том числе по сносу Федоровского монастыря, колокольни и храма комплекса Николо-Нисской церкви комплекса. В последнем случае ценность объекта была подтверждена проведенным в июле 1929 г. обследованием специалистами ГАИМК. Отдел просил ТатЦИК срочно дать заключение по урегулированию этих вопросов, по мнению П.Е.Корнилова «тормозящих и нарушающих работу Отдела» [18].

Отметим, что комиссией в составе профессора архитектуры К.К.Романова, научных сотрудников Академии Л.М.Шуляк и В.П.Тихомирова, изучавших объекты материальной культуры на территории ТССР в Казани, Болгарах и Свияжске, памятники в целом были найдены в удовлетворительном состоянии, особенно те, что находились под надзором Музейного Отдела ТНКП [1].

Комиссией были одобрены меры, принятые Отделом по использованию зданий, что во многом способствовало их защите и сохранению, в том числе: устройство склада в Николо-Гостинодворской церкви, установка трансформаторов в проезде Спасской башни, размещение государственного учреждения в бывшей Губернаторской церкви и т.д.

Многочисленные обращения Музейного отдела в органы власти и управления по вопросам охраны культовых памятников не только не нашли какой-либо поддержки, но и вызвали жесткую ответную реакцию. В апреле 1929 г., в уже упоминавшемся секретном отношении, казанские чекисты открыто выражали свое негативное отношение к деятельности сотрудников отдела, предупреждая Обком, что сопротивление сносу православных храмов «может быть оказано со стороны Музейного отдела Татнаркомпроса, кстати сказать состоящего из рьяных защитников староцерковников, во главе с председателем Музейного отдела – Тат. архитектором Егеревым, [...]»

Эта группа сторонников церкви православных сейчас же, по получении извещения, будет будировать массу верующих по линии неофициальной, а по официальной будет доказывать об археологической (так в тексте – Х.Р.) ценности указанных зданий, не откажется и от того, чтобы на этом вопросе заострить внимание Центра, а посему мы считаем необходимым немедленно произвести реорганизацию Музейного отдела, влив туда дельных партийцев» [14].

Не случайно, что уже с конца 1928 г. в республиканской прессе началась кампания по дискредитации деятельности Музейного отдела. В партийном органе, газете «Красная Татария», одна за другой выходят заметки, прямо обвинявшие руководство отдела в покровительственном отношении к обитателям бывшего Казанского Богородицкого монастыря [5] и арендаторам помещений церкви Четырех Евангелистов [6].

Авторы заметок настаивали на полном выселении жильцов и приспособлении церковной жилплощади под общежитие рабочей молодежи и студенчества. В.В. Егеров был вынужден представлять тройке по расследованию газетных заметок при газете «Красная Татария» развернутые объяснения, раскрывающих реальную ситуацию и беспочвенность высказываемых обвинений [27].

1 марта 1929 г. в очередной публикации председателю отдела инкриминировалось противодействие в сносе в Казани Троицкой церкви и строительстве на этом участке хлебозавода. Автор заметки, взявшийся говорить от имени рабочих, попытался аргументировать отказ от наследия прошлого классовым подходом: «Искусство нам не нужно. Пролетариат есть строящий класс. Он любит сохранять строенные и украшенные им дома. Но он не стесняется разрушить не имеющие историческое значение и не нужные для его города строения и на их место строить новые. Это есть психология рабочих».

Такая психология у каждого не бывает: нельзя сказать, что не имеются тоже люди, которые считают каждое старое и полуразрушенное строение имеющим большое историческое значение. Вот из таких есть работник музейной комиссии при НКП Егерев. Он каждое строение, проживающее 50–100 лет, считает ценным в историческом смысле» [3].

Усиливающееся давление и обвинения в пособничестве церковным общинам заставило В.В.Егерев 6 марта обратиться к руководству Академического центра с просьбой принять меры по восстановлению репутации и реабилитации деятельности отдела.

В частности, В.В.Егерев заявил, что «обвинения» в охране отделом всех без исключения культовых зданий, противодействии сломке, а также «постороннем влиянии» в оценке культурных памятников не имеют оснований. Так, из взятых на учет в 1927 г. Главнаукой РСФСР 94 памятников старины г. Казани, 34 были культовыми зданиями. Отдел вел число охраняемых памятников до 28, в том числе культовых – до 11 церквей и 2 мечетей.

Председатель утверждал, что отдел никогда не был против разборки культовых зданий, в ряде случаев сам ходатайствовал о сломе и отстаивал лишь те объекты, которые уже использовались в практических целях. Здесь, В.В.Егерев как бы не грешил против истины, но вместе с тем иначе расставлял акценты. Действительно, отдел в 1926 г. сам поднял вопрос и добился сноса часовни перед Спасской башни. В целях сохранения ценных культовых построек именно сотрудники отдела настаивали на хозяйственном использовании церквей, предлагаемых к сносу – например, Гостинодворская церковь была занята складом Округа связи, церковь Спасо-Преображенского монастыря – фуражным складом Татаро-башкирской военной школы и т.д.

Егерев заявлял о безусловном исполнении постановления ЦИКа ТССР от 27 февраля 1929 г. Вместе с тем он обращал внимание руководство Академцентра на тот факт, что горсовет в свою очередь уклонился от выполнения предыдущего постановления ЦИКа об обязательном согласовании горсоветом с отделом объектов, предназначенных к сносу [28].

21 и 25 марта 1929 г. Академический центр и Коллегия Наркомпроса ТССР поддержали позицию Отдела, указав, что обвинения в противодействии разбору религиозных памятников и поддержке верующей части населения не выдерживают критики. В этой связи, отмечалась неконструктивная и несогласованная с органом охраны памятников работа Казанского городского совета по ликвидации культовых зданий [25, 26]. Однако игнорирование мнения музейного отдела, оказываемое давление на Наркомпрос республики привело к тому, что в начале 1930 г. В.В.Егерев принимает решение оставить должность председателя музейного отдела.

Однако уход Егерев и назначение на эту должность бывшего руководителя Академического центра С.С.Атнагулова никоим образом не повлияло на ситуацию с набирающей темпы компанией по уничтожению памятников культовой архитектуры. В конце мая 1931 г. ВЦИК запросил у президиума Казанского городского совета список всех действующих и закрытых церквей г. Казани. Из представленного ответа следовало, что в 1918 г. в городе насчитывалось 78 церквей (32 домовых, 39 приходских и 7 монастырских). По состоянию на лето 1931 г. было закрыто 62 храма, из которых 14 оказались разобранными, 16 – использованными под другие нужды. Еще 16 церквей являлись действующими. Из 19 мусульманских храмов действующими оказались 8; мечеть на старом

мусульманском кладбище была определена под снос, остальные закрыты и переданы для использования под общежития, школы, ясли, детские сады, клубы [20].

Положение дел резко изменилось в августе 1931 г. Тогда вышел в свет циркуляр Народного комиссариата коммунального хозяйства о передаче молитвенных зданий в коммунальные органы местных советов, сыгравший трагическую роль в судьбе многих уникальных архитектурных памятников России [9].

31 декабря 1931 г. в СНК состоялось совещание с участием представителей строящихся организаций (СК, Мехкомбината), Горсовета, Норкомхоза, ГПУ, на котором были рассмотрены вопросы о возможном закрытии действующих церквей и их последующем использовании. В ходе обсуждения было решено не позднее 1 января 1932 г. создать специальную комиссию из представителей Наркомхоза и Горсовета с привлечением инженерно-технических сил для решения всех вопросов, связанных с использованием церквей и мечетей.

Совещание постановило признать возможным закрыть пять церквей – Михайло-Архангельскую, Четырех Евангелистов, Николо-Вишняковскую, Евдокиинскую, Тихвинскую и две мечети – Захарьевскую и № 9, а также передать под общежития Коммунилстрою Воскресенскую, Владимирскую, Единоверческую церкви и Зилантовский монастырь. Ряд храмов были рекомендованы к слому. Церкви Московских чудотворцев и Михайло-Архангельская передавались СК, а Четырех Евангелистов – Мехкомбинату для последующей разборки и использования строительства при строительстве. Судьбу Грузинской церкви должна была рассмотреть вновь создаваемая комиссия [21].

Свой контроль над этим процессом осуществляли и партийные органы. 7 марта 1932 г. Бюро Обкома также рассмотрело вопрос о разборе закрытых церквей для строительства. Члены Бюро утвердили перечень ранее закрытых храмов под слом, а также определили молитвенные здания, требующие, по их мнению, срочной ликвидации с последующим разбором на стройматериалы. В список под снос попали: для нужд Коммунилстрою – колокольня Кафедрального собора в Кремле (занятого архивом); Владимирский собор по ул. Московской (размещались склады Союзхлеба и Коммунилстрою); Грузинская церковь по ул. К. Маркса (предназначавшаяся для клуба Татпишмаша); Федоровский монастырь (использовавшийся под общежитие Фармтехникума), ликвидируемые Евдокиинская церковь по ул. Федосеевской и Николо-Вешняковская по ул. Островского.

Две церкви Казанского монастыря отводились под разбор для нужд Кинофабрики; Вознесенская церковь по ул. Островского – для строительства Дома Печати; Спасо-Преображенский монастырь в Кремле (размещались склады Татбашшколы) – для надстройки здания Татбашшколы; три церкви Семиозерной пустыни – для нужд Машиностроительного комбината; ликвидируемые: Михайло-Архангельская церковь по ул. Мало-Архангельской – для жилого строительства Обкома, церковь Четырех Евангелистов по ул. Татарстан – Союзстройпушнине на строительство рабочего клуба по ул. Тукаевской.

От разбора двух храмов члены Бюро воздержались. В церкви Московских чудотворцев на Булаке размещались склады Союзхлеба, а Воскресенская церковь по ул. Чернышевского использовалась в качестве триангуляционного пункта. Кроме того, было решено закрыть и использовать под общежития три мечети по ул. Захарьевской, Мещанской и Татарстан. Обком также командировал несколько человек в Свяжск, Елабугу и Чистополь для выявления городских церквей, которые могли бы быть использованы для разбора [40].

В 1932 г. в городе Казани и прилегающих слободах количество действующих церквей уменьшилось до 10 и внимание властей по закрытию храмов вновь сместилось на сельские районы. 7 апреля 1932 г. Бюро обкома партии предписало всем сельским райкомам выполнять предшествующие директивы Обкома о недопущении закрытия церквей и мечетей «ни в каких случаях, даже при согласии крестьян». Во избежание политических осложнений был запрещен разбор закрытых сельских церквей

на кирпич. В отдельных случаях, когда разбор закрытой церкви, по мнению местных властей, был целесообразен и не вызывал осложнений, разбор церкви мог производиться не иначе как с разрешения ТатЦИКа [41].

В постановлении Татарского ОК ВКП(б) по вопросу «О задачах антирелигиозной работы» от 22 июня 1932 г. было подтверждено прежнее решение Обкома о порядке закрытия в селах церквей и мечетей, запрещено обсуждение на собраниях верующих вопроса о закрытии церквей и мечетей без предварительной санкции комиссии по делам культов при ТатЦИКе. Перерегистрация и составление списка верующих допускалось лишь с разрешения районных исполнительных комитетов [38].

На практике отмечались многочисленные нарушения действующего законодательства местными властями. В ноябре 1933 г. Президиум ВЦИК разослал в культотделы комиссии при ЦИКах АССР, Крайисполкомах и Облсполкомах, реставрационные мастерские постановление Комиссии по вопросам культов. В циркуляре отмечалось, что в практике работы ее местных органов по-прежнему наблюдаются случаи ликвидации культовых зданий, имеющих архитектурное и музейное значение, без согласования с музейными органами НКПроса. Центр обязал культотделы уведомлять органы НКПроса в каждом отдельном случае закрытия и сноса церковных зданий, имеющих историко-культурное значение для участия в ликвидации и передаче таких памятников [2].

В 1935 г. Татарский Обком ВКП(б) констатировал существенное ослабление антирелигиозной работы в партийных организациях республики, резкое падение авторитета и развал Союза воинствующих безбожников, сократившего декларируемую численность с более чем 40 тыс. членов в 1930 г. до 7 тыс. в 1935 г. и фактический ликвидировавшего свою районную сеть. Областной комитет постановил создать при Культпропе комиссию по антирелигиозной работе и возложить на нее организацию, руководство и контроль за реализацией этой деятельности¹.

В постановлениях и директивах партийного органа обращалось внимание на активизацию «контрреволюционной деятельности» религиозных организаций, появления многочисленных ходатайств по возвращению закрытых храмов. В частности, отмечалось, что в республике все еще высока численность не закрытых мечетей и церквей – 979 (в Казани – 6) и 314 (11) соответственно, вокруг которых объединились 1555 мулл и 342 православных священников [43].

Обком предложил наркомфину в месячный срок провести сплошную проверку обложения священнослужителей и поручил партгруппе ТЦИКа поставить вопрос перед ЦИК СССР о необходимости изменения законодательства в части обложения служителей культа в соответствии с фактическими доходами. Райисполкомам вменялось в обязанность периодически проверять договоры с общинами верующих и усилить требования по сохранению сданных им молитвенных зданий [42]. По сути, эти решения дали старт новому витку гонений на верующих.

Постановление Президиума ЦИК АТССР от 26 июля 1935 г. обязало городские и районные власти провести перезаключение договоров с религиозными объединениями на пользование молитвенным зданием. 26 августа 1935 г. Председатель ЦИК АТССР Г. Байчурин направил местным руководителям письмо «О состоянии культового дела и о перезаключении договоров с религиозными объединениями на пользование молитвенными зданиями». В этом письме он потребовал начать перезаключение договоров с религиозными объединениями на пользование молитвенным зданием с 1 октября с.г. с тем, «чтобы всю работу закончить до 1 декабря 1935 года, а к 1 января 1936 года представить сведения об итогах проведения перезаключения договоров в ЦИК АТССР» [44].

¹ К 1 октября 1939 г. по республике было организовано 2058 ячеек СВБ (1914 в сельских районах и 144 по городу), объединивших 43042 чел. (38777 и 4265, соответственно) [45].

Решением Президиума ЦИК АТССР от 15 декабря 1935 г. была образована постоянная комиссия по вопросам культов в составе: председателя Филиппова, членов Степанова (УНКВД), Галеева (Прокуратура), Тюрина (Наркомпрос), А. Мустафина (Наркомфин), Орлова (Татпрофсовет), Хуснутдинова (Горсовет)². Одной из основных задач комиссии являлось предварительное рассмотрение по представлениям райисполкомов и горсоветов дел об открытии и закрытии молитвенных зданий. С 1 января 1935 г. по 10 августа 1937 г. Президиумом было рассмотрено 299 дел (за 1935 г. – 94, за 1936 г. – 168, за 1937 г. – 37 дел) о закрытии 129 церквей и 170 мечетей. Из всего этого количества по ходатайству населения и верующих было закрыто 232 молитвенных зданий и 67 закрыто в административном порядке [22].

Такая же тенденция была характерна и для всех регионов России. Если с 1917 по 1930 г., то есть за тринадцать лет, по стране было закрыто 15 988 культовых зданий, то с 1931 по 1936 г. (за пять лет) было ликвидировано 25 303 молитвенных здания. Причем из них примерно 10 000 были закрыты административным путем [36].

Попытаемся воссоздать динамику закрытия молитвенных зданий в Татарстане, используя официальные сведения партийных, государственных органов и общественных организаций.

По данным, приведенным в материалах Комиссии по вопросам культов при Президиуме ТатЦИКа до 1918 г., на территории республики насчитывалось 1854 мечетей, 696 церквей, всего 2550 храмов. К 15 октября 1938 г. были закрыты почти половина культовых зданий (1220), в том числе 872 мечети и 348 церквей. Действующими оставались 982 мусульманских и 343 православных храма [23].

В докладной записке, подготовленной для руководства Верховного Совета ТАССР о состоянии молитвенных зданий на 1 апреля 1939 г. приводятся иные цифры. По сведениям, полученным от 53 районов на территории ТАССР до 1917 г. насчитывалось 1598 мечетей и 560 церквей. Часть этих зданий в послереволюционный период было снесено по ветхости, сгорело и т.д. Таким образом, к весне 1939 г. число мечетей сократилось до 1588, а церквей – до 520. По этим данным, общее количество действующих мечетей составляло – 612. Из общего числа закрытых храмов 1124 церквей и 817 мечетей были использованы на культурные нужды (школ – 438, клубов – 382 и других учреждений – лады и т.д.), 68 закрытых молитвенных зданий пустовали [35].

Однако и эти цифры, возможно, являются не совсем точными. В июньской (1939 г.) справке к постановлению Президиума Верховного совета утверждалось, что по состоянию на 1 апреля в Татарии имелось 1200 действующих молитвенных зданий, в том числе 890 мечетей и 310 церквей. В отдельных районах число действовавших мечетей и церквей доходило до нескольких десятков. Так в Кукморском районе все еще действовали 44 мечети, в Сабинском – 39, в Первомайском – 35, в Нурлатском – 37, в Буинском – 32 и т.д.

Из 1378 закрытых молитвенных зданий 1108, или 80 %, использовались под культурные учреждения, в том числе: школ – 549, клубов 461, детских садов, яслей, медицинских учреждений и др. – 98. Как недостаток отмечались те случаи, когда закрытые молитвенные здания пустовали. 187 бывших храмов или 14 % от общего количества закрытых использовались под склады и другие хозяйственные нужды [12].

Одним из последних стимулов к использованию закрытых молитвенных домов стало постановление СНК РСФСР от 18 августа 1939 г., в соответствии с которым из госбюджета выделялись средства на приспособление помещений бывших церквей и мечетей под школы [13]. В 1939 г. Бюро Обкома ВКП(б) и СНК вынесли решение об освобождении закрытых молитвенных домов от использования в хозяйственных нуждах и их приспособлении под культурные учреждения [46]. На местах эти вопросы решались не так слаженно и быстро, как представлялось республиканским руководи-

² 1 октября 1939 г. по республике было организовано 2058 ячеек СВБ (1914 в сельских районах и 144 по городу), объединивших 43042 чел. (38777 и 4265, соответственно). См.: [45].

телям. Переоборудование зданий также требовало значительных финансовых затрат. Даже через десятилетие, Управление по делам культурно-просветительских учреждений при Совете Министров ТАССР просило правительство Татарии и РСФСР отпустить на 1948 г. средства на переоборудование и приспособление помещений бывших мечетей и церквей 42 районов под районные дома культуры 2 млн. руб. [32].

В 1930-е гг. был нанесен непоправимый ущерб историко-культурному наследию страны. В результате активной антирелигиозной работы, в отношении объектов культового зодчества, отождествляемым с уничтожаемым капиталистическим строем, были приняты масштабные, и в буквальном смысле, губительные меры, способствовавшие утрате значительного количества уникальных архитектурных памятников, являвшихся важной частью национального достояния, исторической памяти. Отсутствие последовательного государственного участия в памятникоохранительной деятельности в условиях прямого развала системы органов охраны памятников, декларативность нормативной базы в этой сфере привело к осознанному осквернению и разрушению культового наследия, что органично вписывалось в репрессивную классовую политику советского государства.

Список литературы

1. Архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук. – 1929. – Ф. 2. – Д. 36. – Л. 54.
2. Государственный архив Российской Федерации. – Ф.А-2306. – Оп. 70. – Д. 1039. – Л. 8.
3. Кзыл Татарстан. – 1929. – 1 марта.
4. Козлов А.А. Правовое регулирование охраны памятников истории и культуры в 1917–1941 гг. : дисс. ... канд. юрид. наук / А. А. Козлов. – Москва : Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 1990. – С. 137.
5. Красная Татария. – 1928. – 26 октября.
6. Красная Татария. – 1928. – 2 ноября.
7. Кутрышева Э. В. Становление и развитие государственной политики Российской Федерации по охране памятников истории, культуры и музейному делу в 1918–1941 гг. (на материалах Нижнего Поволжья) : дисс. ... канд. ист. наук / Э. В. Кутрышева. – Астрахань : Астраханский государственный университет, 2004. – С. 174.
8. Литвин А. В. Ельцины в Казани / А. В. Литвин. – Казань : Айбат, 2004. – С. 11–12.
9. Личак Н. А. «...Сметем с полей очаги религиозной заразы!»: уничтожение ярославских храмов в 1930-х годах / Н. А. Личак // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – Вып. 3. – С. 64–71.
10. Мухаметзянов А. А. Закрытие мусульманских культовых зданий в Казани в 1920–1930 гг. / А. А. Мухаметзянов // Страницы истории татарского народа и Татарстана в новое и новейшее время. – Казань : Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук РТ, 2007. – С. 205–207.
11. Мухин В. Н. Антирелигиозная политика в условиях сплошной коллективизации / В. Н. Мухин // Известия общества истории, археологии и этнографии при Казанском государственном университете. – 2008. – Т. 1. – С. 216.
12. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). – Ф.Р.-128. – Оп. 1. – Д. 3150. – Л. 1–3.
13. НА РТ. – Ф.Р.-128. – Оп. 1. – Д. 3164. – Л. 235.
14. НА РТ. – Ф.Р.-326. – Оп. 6. – Д. 2. – Л. 74.
15. НА РТ. – Ф.Р.-732. – Оп. 1. – Д. 1206. – Л. 6.
16. НА РТ. – Ф.Р.-732. – Оп. 6. – Д. 52. – Л. 18.
17. НА РТ. – Ф.Р.-732. – Оп. 6. – Д. 52. – Л. 19.
18. НА РТ. – Ф.Р.-732. – Оп. 6. – Д. 52. – Л. 19 об.
19. НА РТ. – Ф.Р.-732. – Оп. 6. – Д. 52. – Л. 20.
20. НА РТ. – Ф.Р.-732. – Оп. 6. – Д. 54. – Л. 1–4.
21. НА РТ. – Ф.Р.-732. – Оп. 6. – Д. 54. – Л. 11.
22. НА РТ. – Ф.Р.-732. – Оп. 6. – Д. 88. – Л. 84, 85, 111.
23. НА РТ. – Ф.Р.-732. – Оп. 6. – Д. 88. – Л. 115.
24. НА РТ. – Ф.Р.-1803. – Оп. 46. – Д. 9. – Л. 60.

25. НА РТ. – Ф.Р.-3682. – Оп. 1. – Д. 1456. – Л. 89.
26. НА РТ. – Ф.Р.-3682. – Оп. 1. – Д. 1522. – Л. 14.
27. НА РТ. – Ф.Р.-3682. – Оп. 1. – Д. 1537. – Л. 73, 77.
28. НА РТ. – Ф.Р.-3682. – Оп. 1. – Д. 1538. – Л. 41.
29. НА РТ. – Ф.Р.-5263. – Оп. 1. – Д. 29. – Л. 107.
30. НА РТ. – Ф.Р.-5263. – Оп. 1. – Д. 29. – Л. 111 об.
31. НА РТ. – Ф.Р.-5263. – Оп. 1. – Д. 46. – Л. 34 об.
32. НА РТ. – Ф.Р.-7238. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 3.
33. Набиев Р. Н. У истоков массового атеизма: (из опыта атеистической работы партийной организации Татарии в период строительства социализма, 1917–1937 гг.) / Р. Н. Набиев. – Казань, 1984. – 184 с.
34. Памятники архитектуры в Советском Союзе: Очерки истории архитектурной реставрации / под ред. Ф. С. Шенкова. – Москва: Памятники исторической мысли, 2004. – 696 с.
35. Сайдашева М. «В мечетях хранится колхозный хлеб» / М. Сайдашев // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1995. – Май. – С. 263.
36. Стравинскас В. В. Советское законодательство по охране историко-культурного наследия: дисс. ... канд. юрид. наук / В. В. Стравинскас. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2008. – С. 18.
37. Сулейманов Р. Р. Союз воинствующих безбожников и крестьянство Татарстана в 1920 / Р. Р. Сулейманов // Известия общества истории, археологии и этнографии при Казанском государственном университете. – 2008. – Т. 1. – С. 208–214.
38. Центральный государственный архив историко-политических документов Республики Татарстан (ЦГАИПД РТ). – Ф. 15. – Оп. 1. – Д. 1123. – Л. 8.
39. ЦГАИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 2. – Д. 785. – Л. 184.
40. ЦГАИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 2. – Д. 1120. – Л. 37, 43.
41. ЦГАИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 2. – Д. 1120. – Л. 61.
42. ЦГАИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 3. – Д. 865. – Л. 4–5.
43. ЦГАИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 3. – Д. 865. – Л. 6.
44. ЦГАИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 3. – Д. 1714. – Л. 33.
45. ЦГАИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 4. – Д. 796. – Л. 1.
46. ЦГАИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 4. – Д. 796. – Л. 3.

References

1. Archives of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, 1929. F. 2, d. 36, l. 54.
2. State Archive of the Russian Federation. FA-2306, op. 70, d. 1039, l. 8.
3. *Kzyl Tatarstan* [Kyzyl Tatarstan], 1929, 1 marta.
4. Kozlov A.A. *Pravovoe regulirovanie okhrany pamyatnikov istorii i kultury v 1917–1941 gg.* [Legal regulation of the protection of monuments of history and culture in the years 1917–1941], Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ. House, 1990, pp. 137.
5. *Krasnaya Tatarsiya* [Red Tartary], 1928, 26 October.
6. *Krasnaya Tatarsiya* [Red Tartary], 1928, 2 November.
7. Kugrysheva E. V. *Stanovlenie i razvitie gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii po okhrane pamyatnikov istorii, kultury i muzeynomu delu v 1918–1941 gg. (na materialakh Nizhnego Povolzhya)* [Formation and development of state policy of the Russian Federation on protection of monuments of history, culture and museum work in 1918–1941 gg. (on materials of the Lower Volga)], Astrakhan, Astrakhan State University Publ. House, 2004, pp. 174.
8. Litvin A. V. *Yeltsiny v Kazani* [Yeltsin in Kazan], Kazan, Aybat Publ., 2004, pp. 11–12.
9. Lichak N. A. «... Smetem s poley ochagi religioznoy zarazy!»: unichtozhenie yaroslavskikh khramov v 1930-kh godakh ["... Swept from the fields of religious centers of infection!": Destruction of Yaroslavl churches in 1930]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy* [Scientific problems Humanities Research], 2010., issue 3, pp. 64–71.
10. Mukhametzyanov A. A. Zakrytie musulmanskiikh kultovykh zdaniy v Kazani v 1920–1930 gg. [Closure of Muslim religious buildings in Kazan in 1920–1930]. *Stranitsy istorii tatarskogo naroda i Tatarstana v novej i noveyshee vremya* [Page history of the Tatar people and Tatarstan in modern and

contemporary times], Kazan, Institute of History named Sh. Mardzhani the Academy of Sciences Publ. House, 2007, pp. 205–207.

11. Mukhin V. N. Antireligioznaya politika v usloviyakh sploshnoy kollektivizatsii [Antireligious policy in conditions of complete collectivization]. *Izvestiya obshchestva istorii, arkhologii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete* [Proceedings of the Society of History, Archaeology and Ethnography of the Kazan State University], 2008, vol. 1, pp. 216.

12. National Archives of the Republic of Tatarstan (NA RT). FR-128, op. 1., d. 3150, l. 1–3.

13. NA RT. FR-128, op. 1, d. 3164, l. 235.

14. NA RT. FR-326, op. 6, d. 2, l. 74.

15. NA RT. FR-732, op.1, d. 1206, l. 6.

16. NA RT. FR-732, op. 6, d. 52, l. 18.

17. NA RT. FR-732, op. 6, d. 52, l. 19.

18. NA RT. FR-732, op. 6, d. 52, l.19 vol.

19. NA RT. FR-732., op. 6, d. 52, l. 20.

20. NA RT. FR-732, op. 6, d. 54, l. 1–4.

21. NA RT. FR-732, op. 6, d. 54, l. 11.

22. NA RT. FR-732, op. 6, d. 88, l. 84, 85, 111.

23. NA RT. FR-732, op. 6, d. 88, l. 115.

24. NA RT. FR-1803, op.46, d. 9, l. 60.

25. NA RT. FR-3682, op. 1, d. 1456, l. 89.

26. NA RT. FR-3682, op. 1, d. 1522, l. 14.

27. NA RT. FR-3682, op. 1, d. 1537, l. 73, 77.

28. NA RT. FR-3682, op. 1, d. 1538, l. 41.

29. NA RT. FR-5263, op. 1, d. 29, l. 107.

30. NA RT. FR-5263, op. 1, d. 29, l. 111 vol.

31. NA RT. FR-5263, op. 1, d. 46, l. 34 vol.

32. NA RT. FR-7238, op. 1, d. 5, l. 3.

33. Nabiev R. N. *U istokov massovogo ateizma: (iz opyta ateisticheskoy raboty partiynoy organizatsii Tatarii v period stroitelstva sotsializma, 1917–1937 gg.)* [At the origin of mass atheism: (from experience atheistic work of the Party organization of Tatarstan during the construction of socialism, 1917–1937)], Kazan, 1984. 184 p.

34. Shchenkov F. S. (ed.) *Pamyatniki arkhitektury v Sovetskom Soyuze: Ocherki istorii arkhitekturnoy restavratsii* [Architectural monuments in the Soviet Union: Essays on the history of architectural conservation], Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2004. 696 p.

35. Saydasheva M. «V mechetyakh khranitsya kolkhoznny khleb» [“In mosques are stored collective farm bread”]. *Gasyrlar avazy = Ekho vekov* [Gasyrlar Avazy = Echo of Centuries], 1995, May, pp. 263.

36. Stravinskaya V. V. *Sovetskoe zakonodatelstvo po okhrane istoriko-kulturnogo naslediya* [Soviet legislation on the protection of historical and cultural heritage], Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Academy of the Russian Interior Ministry Publ. House, 2008, pp. 18.

37. Suleymanov R. R. Soyuz voinstvuyushchikh bezbozhnikov i krestyanstvo Tatarstana v 1920 [League of Militant Atheists and the peasantry of Tatarstan in 1920]. *Izvestiya obshchestva istorii, arkhologii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete* [Proceedings of the Society of History, Archaeology and Ethnography of the Kazan State University], 2008, vol. 1, pp. 208–214.

38. Central State Archive of historical and political documents of the Republic of Tatarstan (CSAHPD RT). F. 15, op. 1, d. 1123, l. 8.

39. CSAHPD RT. F. 15, op. 2, d. 785, l. 184.

40. CSAHPD RT. F. 15, op. 2, d. 1120, l. 37, 43.

41. CSAHPD RT. F. 15, op. 2, d. 1120, l. 61.

42. CSAHPD RT. F. 15, op. 3, d. 865, l. 4–5.

43. CSAHPD RT. F. 15, op. 3, d. 865, l. 6.

44. CSAHPD RT. F. 15, op. 3, d. 1714, l. 33.

45. CSAHPD RT. F. 15, op. 4, d. 796, l. 1

46. CSAHPD RT. F. 15, op. 4, d. 796, l. 3.